

25.07.2016

Неделя после путча. Какой стала новая Турция

Павел
Шлыков

Неудавшийся путч в Турции стремительно перерастает в антивоенный и антигражданский переворот. Режим Эрдогана выстоял, турецкий президент празднует победу над поверженными противниками – от кемалистов до последователей Гюлена. Но авторитарный откат уводит Турцию все дальше по пути девестернизации, грозя перечеркнуть достижения политического и экономического развития последних трех десятилетий

Спустя неделю после трагических событий 15–16 июля можно сделать некоторые предварительные выводы о том, куда направилась Турция после неудачной попытки военного переворота. Турецкое гражданское общество, болезненное отношение которого к нападкам на демократию весь мир увидел еще в 2013 году во время протестов в защиту парка Гези, не поддерживает военные перевороты как способ решения социально-политических проблем. В 1990-е и особенно 2000-е годы стало понятно, что отношение турок к политической активности военных радикально изменилось. Но заслуги правящего режима Партии справедливости и развития (ПСР) здесь нет.

В 2007 году я был в Анкаре в разгар митингов противников ПСР – тогда вся страна была взбудоражена перспективой избрания на пост президента страны исламиста Абдуллаха Гюля. И один из популярных лозунгов тех многомиллионных демонстраций в «защиту республики» был очень показателен: «Нет шариату – нет военным переворотам». Поэтому выбранная Эрдоганом формула мобилизации тех, кто мог бы поддержать его во время путча, – «За демократию» – оказалась очень эффективной. Все оппозиционные парламентские партии, независимо от их отношения к Эрдогану, осудили военный переворот. Их мотивы понятны: военные, приходя к власти, никогда не рассматривали гражданских политиков, пусть и оппозиционных, в качестве партнеров. Тем более турецкая оппозиция сейчас настолько разобщена и ослаблена, что не может позволить себе антиконституционный афронт власти.

Но после переворота защита демократии быстро переросла в сведение счетов на политическом и даже этнорелигиозном уровне (в толпе сторонников Эрдогана звучали призывы к погромам кварталов алавитов). Турецкие власти принялись разрушать все, что осталось от демократии, во имя которой граждане безоружными шли на танки. Объявленный Эрдоганом и молниеносно утвержденный парламентом режим чрезвычайного положения введен на три месяца с возможностью бессрочного продления.

По всей стране идут массовые аресты – в специальные изоляторы отправлены тысячи действующих и отставных офицеров и простых военнослужащих, полицейских, судей, чиновников. На территории Турции приостановлено действие европейской конвенции по правам человека, нарушение которой власти не скрывают – мировые СМИ обошли фотографии генералов с увечьями после силовых допросов.

Репрессии ударили и по гражданским – уволено более 1600 деканов и ректоров, школьных учителей, для научных работников введен запрет на выезд за границу, хотя их участие в заговоре совсем не очевидно. Объяснение властей, что университеты всегда были очагом антиправительственных сил и рассадником заговорщиков, вызывает ощущение, что страна вернулась на пятьдесят лет назад. Вспоминается военный переворот 1960 года, после которого из армии было уволено 235 из 260 генералов, пять тысяч полковников и майоров, а в результате чисток в университетах работы лишились почти 150 профессоров (многие потом добились восстановления, но на это потребовался не один год борьбы).

События более близкого прошлого (переворот 1980 года) еще больше похожи на сегодняшний день, словно Эрдоган позаимствовал методы наведения порядка у военной хунты генерала Кенана Эврена. Тогда в отставку были отправлены мэры и руководители муниципальных советов (в общей сложности

свыше 1700 человек), государственные границы были закрыты, а на всей территории страны введено чрезвычайное положение, что давало военным властям широчайшие полномочия. Военные подчинили себе деятельность учебных заведений, прессы, торгово-промышленных палат, профсоюзов. Вскоре Эрвен ввел запрет на публичное обсуждение политических проблем, распустил все политические партии и конфисковал партийное имущество, а в 1982 году в оруэлловском стиле запретил бывшим политикам публично обсуждать прошлое, настоящее и будущее.

Тогда за год военные отправили за решетку без малого 125 тысяч человек – сажали не только подозреваемых в терроризме, но и профсоюзных деятелей, политиков, университетских преподавателей и профессоров, учителей, журналистов, адвокатов – всех, кто до сентября 1980 года выражал даже очень неопределенно левые или исламистские взгляды. Во время допросов и тюремного заключения задержанных пытали, смертность среди заключенных зашкаливала. В мае 1981 года из-за этого даже было приостановлено членство Турции в Совете Европы.

Сейчас статистика первой недели после неудавшегося путча впечатляет не меньше – более 60 тысяч арестованных. Инакомыслие и вольнодумство приравнено к государственной измене. Подавление путча окончательно переросло не просто в антиармейский (их за последние годы можно насчитать немало), но и в антигражданский переворот, архитектором которого выступает сам Эрдоган.

Девестернизация Турции

Турцию до недавнего времени не без оснований называли одной из самых вестернизированных стран на Ближнем Востоке. В начале 2000-х годов вообще казалось, что Анкара обречена стать полноценным членом западного мира по всем параметрам, вплоть до вступления в ЕС. В 1999 году официальное признание за Турцией статуса кандидата в ЕС дало мощный импульс демократическим преобразованиям внутри страны. Но золотой период европеизации Турции оказался очень скоротечен и фактически завершился в 2005 году с началом официальных переговоров о вступлении, когда стало нарастать разочарование сторон друг в друге.

С каждыми новыми выборами правящая в Турции Партия справедливости и развития укрепляла свою электоральную базу и все меньше нуждалась в идее евроинтеграции для мобилизации сторонников и противостояния оппонентам. Если в 2002 году, когда ПСР только приходила к власти, обещания демократических свобод были чрезвычайно важны для защиты исламистской ПСР от светской кемалистской элиты, то в 2007 году ПСР уже обладала достаточной социальной базой, чтобы развернуть репрессии против своих идеологических противников (знаменитые дела «Эргенекон», «Кувалда» и другие). Очередной выборный цикл 2011 года ознаменовал новую волну делиберализации – уголовное преследование политических активистов, ограничение свободы слова и собраний, жестокое подавление протестов. Совпавшие по времени с избирательной кампанией 2015 года теракты окончательно вернули Турцию в репрессивные времена начала 1980-х годов.

На этом фоне масштабные репрессии последних дней уже выглядят как логичное продолжение этой тенденции – либеральные реформы окончательно свели только к тем, которые выгодны правящей ПСР, то есть к сфере военно-гражданских отношений и миграционной политики.

Самый большой успех режима Эрдогана – экономическое развитие Турции (годовой рост составлял от 5% до 9,5% в 2002–2007 годах) – сегодня стал одной из главных проблем правительства. Туристический поток снижается, дефицит платежного баланса увеличивается. Желаящих инвестировать в столь нестабильную страну становится все меньше.

Правительство Турции выступает с успокаивающими заявлениями о том, что подавленный путч не отразится на национальной экономике. Центральный банк говорит о готовности обеспечить банки ликвидностью. При этом курс лиры падает, из-за чего пришлось отложить запланированное снижение процентной ставки. Неудавшийся переворот встал в один ряд с другими драматическими событиями, отпугивающими потенциальных туристов.

Турция все больше выпадает из числа наиболее перспективных развивающихся экономик. Даже начавшийся процесс примирения с бывшими партнерами (Россией и Израилем), который в немалой степени был обусловлен экономическими соображениями, едва ли теперь принесет желаемые плоды из-за внутривнутриполитического кризиса. Восстановление экономики займет не один год. Агентства Moody's и Fitch готовятся снизить кредитный рейтинг Турции ниже инвестиционного уровня непривлекательности.

Поверженные противники

Постепенно проясняются подробности кризиса в турецкой армии, который закончился попыткой

переворота. Путч не был делом небольшой группы офицеров-радикалов и был организован отнюдь не дилетантски. Мятеж поддерживала значительная часть турецких военных, а провалился он в результате действий турецкой национальной разведки.

За неделю более 120 действующих генералов и адмиралов турецкой армии были арестованы по подозрению в организации мятежа. Иными словами турецкие вооруженные силы лишились трети высших офицеров (всего в турецкой армии 358 генералов и адмиралов). Для государства, которое участвует в войне против ИГИЛ (запрещено в РФ) и одновременно проводит масштабные спецоперации против курдских боевиков в юго-восточных провинциях, боеспособность и дееспособность армии – вопрос чрезвычайной актуальности.

Ведущую роль в путче играли ВВС и силы жандармерии, то есть военизированной полиции, отвечающей за безопасность в особо опасных районах. Именно в командовании жандармерии (штаб-квартира в Анкаре), судя по всему, разрабатывался план переворота.

Активнее всего в ходе переворота действовали части, привлеченные к операциям против Рабочей партии Курдистана (РПК) на юго-востоке Турции. Косвенное подтверждение этих слухов – арест генерала Адема Худути. Он не только самый высокопоставленный среди арестованных заговорщиков, но и командующий Второй армией, которая находится на переднем рубеже противостояния с РПК. Командиры частей спецназа в Ширнаке и Хакяри (пограничные с Сирией области) также задержаны как путчисты.

Даже по тем отрывочным сведениям, которые просочились в прессу в ходе спецопераций по предотвращению путча, можно судить, что мятеж военных имел общенациональный масштаб: на следующее после переворота утро лояльные режиму силы полиции и армии арестовывали заговорщиков по всей Турции. Вскоре может выясниться, что на разных уровнях путчистов поддержала добрая половина вооруженных сил страны. Ведь среди всех видов вооруженных сил турецкой армии только ВМС оказались задействованы в ходе путча в наименьшей степени. Все это опровергает заявление турецких властей о том, что в попытке переворота участвовала горстка офицеров.

Другое заявление турецких властей – о ведущей роли в организации переворота лидера международного миссионерского движения Фетхуллага Гюлена – заслуживает особого внимания. Масштабная деятельность учеников и последователей Гюлена с 2000-х годов ощущается не только в Турции, но и далеко за ее пределами. Это движение напоминает протестантские миссионерские движения нового времени, хотя их цели и география деятельности были существенно скромнее. Образцом для Гюлена, видимо, послужил орден иезуитов с его приматом науки и образования. Еще со времен поздней Османской империи западное образование было в Турции символом прогресса и успеха. Вероятно, поэтому Гюлен взял на вооружение позитивистскую модель классического западного образования и стал выступать с позиций мусульманского реформатора.

Декларируемая цель школ Гюлена – сформировать мышление, способное совмещать духовность и универсальные ценности современной цивилизации (демократию, свободу совести, защиту прав человека). Достоверно неизвестно, сколько на самом деле школ Гюлен и его последователи открыли в Турции и за границей. О географии и масштабах движения можно судить по быстрому росту числа стран, участвующих в международных конкурсах турецкого языка: с 17 в 2003 году до 140 в 2013-м.

Хотя Гюлен в 1999 году иммигрировал в США, на протяжении всех 2000-х годов он в тесном союзе с Эрдоганом занимался последовательным очищением гражданской бюрократии от сторонников кемализма – идеологических противников религиозно-консервативной ПСР. В свое время правительство Эрдогана отменило специальные правила поступления в вузы для выпускников религиозных школ имам-хатибов и активно продвигало исламистские кадры на различные административные посты (от глав муниципалитетов до директоров и руководителей образовательных учреждений).

За 2000-е годы

последователям Гюлена действительно удалось закрепиться на руководящих позициях во многих общественных и государственных учреждениях, в том числе в полиции и судебном корпусе. В распоряжении Гюлена и близких к нему структур оказались свои средства массовой информации, широкая сеть лояльных госслужащих, ученых, судей и прокуроров, университетов и школ, свои люди в силовых структурах и среди полиции, свои бизнесмены и бизнес-ассоциации, свои неправительственные организации, профсоюзы, учителя, врачи и медицинские центры.

За 2000-е годы движение Гюлена смогло создать очень мощную организационно-финансовую базу, точные размеры которой трудно определить из-за неформальности движения. Тем не менее о степени проникновения сторонников Гюлена в турецкие вооруженные силы трудно судить однозначно. Армия в целом и военная элита в особенности всегда были последовательными противниками Гюлена. К 2013 году, когда пути Эрдогана и Гюлена разошлись и из союзников они превратились в открытых противников, более десяти процентов командного состава турецкой армии уже было за решеткой.

Большинство арестованных сейчас высших офицеров находятся в звании бригадных генералов и контр-адмиралов, то есть в состав высшего командования турецкой армии они продвинулись в начале 2010-х годов, как раз в разгар первой волны чисток. Иными словами, их аресты – неотъемлемая часть более длительного конфликта между военной элитой и режимом Эрдогана. Многие задержанные генералы-путчисты, не отвергая обвинения в организации переворота, отказываются признавать какие-либо связи с Гюленом.

Все это говорит о том, что неудавшийся переворот – продолжение сложного конфликта в треугольнике «кемалисты – Эрдоган – Гюлен», а попытка списать все события на происки запрещенной на территории Турции Террористической организации Фетхуллага (так с мая 2016 года турецкие власти именуют всех, кто связан с Гюленом) – упрощение, нужное Эрдогану, чтобы объяснить новые репрессии после путча.

Разворот во внешней политике

Неудавшийся переворот может ощутимо изменить и внешнюю политику Турции, особенно на ближневосточном направлении. Тут показательна официальная реакция ведущих стран региона на путч. Традиционные союзники Турции – Катар, ХАМАС, «Братья мусульмане» – активно поддержали турецкие власти и Эрдогана. В то время как Египет заблокировал осуждение путча в Совете Безопасности ООН.

Внутриполитический кризис после путча заставит Эрдогана пересмотреть круг своих международных союзников. Турецкие власти внимательно отслеживали мировую реакцию на путч, особенно то, насколько быстро и как именно лидеры разных стран осудили путчистов.

В первых рядах осуждающих был Иран. Президент Рухани заявил, что путч для Эрдогана – это возможность выявить друзей и врагов внутри страны и за рубежом. А вот Саудовская Аравия, стратегический союзник Турции в регионе, отреагировала на события лишь через два дня после путча. Одновременно иранские СМИ стали активно обсуждать версию о причастности Саудовской Аравии и ОАЭ к организации переворота.

Еще большее раздражение у Эрдогана вызвала позиция США, которые уже давно критикуют Анкару за авторитарные тенденции. Турецкие СМИ обвиняют Вашингтон в косвенной поддержке заговорщиков и требуют немедленно выдать «главного врага» Турции – Фетхуллаха Гюлена. Параллельно турецкие власти отключили электричество на военной базе Инджирлик – самой восточной базе ВВС НАТО, стратегически важной для операций против боевиков ИГИЛ. Турецкий самолет-заправщик, базирующийся в Инджирлике, использовался мятежниками для дозаправки участвовавших в путче истребителей. Более того, командующий базой турецкий генерал Бекир Эрджан накануне своего ареста обратился к США с просьбой о политическом убежище.

Объявленная турецкими властями временная блокада базы Инджирлик ставит вопрос о дальнейшем участии Турции в международной коалиции против ИГИЛ. Тем более что США стремятся минимизировать зависимость от турецкой базы и уже активно используют базы на территории Иракского Курдистана.

Евросоюз, судя по всему, намерен только усиливать давление на Анкару по всем болевым вопросам. Министр иностранных дел Франции Жан-Марк Эро уже предупредил Эрдогана, что неудавшийся переворот не дает турецким властям карт-бланш на уничтожение политических оппонентов, и напомнил, что Турция должна доказать свое реальное участие в борьбе с ИГИЛ, опровергнув подозрения в косвенной поддержке террористов.

Другое важное измерение – отношение с курдами. Тут ожидать от Анкары отказа от жестких мер вряд ли стоит. Поэтому самой реальной видится перспектива новых инициатив в отношениях с Ираном и Россией – неслучайно турецкие власти намеренно подчеркивают, что два турецких пилота, которые в ноябре сбили российский СУ-24, арестованы за участие в заговоре.

На фоне неясных перспектив внешней и внутренней политики Турции очевидно, что с каждым годом цена сохранения власти для Эрдогана становится все выше, а поддержание стабильных отношений с партнерами в регионе и мире – все тяжелее. В жертву принесена европейская мечта, с которой ПСР выиграла свои первые выборы, турецкая модель успешного сочетания демократии и ислама, гражданские свободы, экономический рост, еще недавно выступавшие в качестве символов процветающей новой Турции. Вопреки заявлениям властей о поисках примирения на общенациональном и международном уровне конфликтная политика турецких властей становится нормой. Эрдоган готов на любые жертвы ради сохранения власти, прекрасно сознавая, что в случае провала ему предъявят слишком большой счет.

Источник <http://carnegie.ru><http://carnegie.ru/commentary/2016/07/25/ru-64157/j36l>